

Шихберды Аннаклычев. *Быт рабочих-нефтяников Небит-Дага и Кум-Дага (историко-этнографический очерк)*. Ашхабад, 1961, 165 стр.

Исследование Ш. Аннаклычева «Быт рабочих-нефтяников Небит-Дага и Кум-Дага» — первая попытка изучения молодого рабочего класса Туркмении, национальные кадры которого формировались уже в советскую эпоху. Основная задача, которую поставил перед собой автор, — показать изменения в культуре и быте туркменских рабочих, недавних полукочевников — скотоводов и земледельцев. Нефтепромыслы Небит-Дага и Кум-Дага — это выросший уже в советское время и сейчас быстро развивающийся промышленный район Туркмении, процесс становления национальных кадров которого из среды сельского населения продолжается и в настоящее время. Удачно выбранный объект наблюдения дал исследователю богатейший материал для изучения процессов преобразования быта.

Небит-Даг и Кум-Даг интересны и тем, что сосредоточивают в себе рабочих разных национальностей, из которых, кроме туркмен, наиболее многочисленны группы русских рабочих, казахов и азербайджанцев; проблема национальных взаимоотношений, их роль в процессе складывания новых форм быта может быть прослежена здесь особенно глубоко и плодотворно.

Собственно этнографическому исследованию в книге предпослана глава, характеризующая историю формирования национальных рабочих кадров Туркмении (стр. 29—46). Автор методологически обосновывает необходимость этнографического исследования этой темы, правильно считая, что уяснение этнических и социальных корней рабочего коллектива дает возможность исторически верно интерпретировать исследуемые в его быту и культуре явления.

Привлекая материалы официальной статистики нефтяных предприятий Небит-Дага и Кум-Дага, касающиеся национального состава рабочих, их численного роста, производственной квалификации, автор выделяет три основных этапа в формировании рабочих кадров нефтяной промышленности Туркмении: 1) с 1927 по 1941 г., 2) период Великой Отечественной войны и 3) послевоенный период.

Помимо статистических данных, процесс формирования национальных рабочих кадров Туркмении, их не только количественный, но и качественный рост убедительно раскрываются Ш. Аннаклычевым на примере изученных им семейных генеалогий, восходящих к 4—5-му поколениям. Среди рабочих первого поколения люди старших возрастов до овладения ими рабочих профессий были скотоводами и земледельцами. Они начали свою работу на нефтепромыслах, не имея специальной подготовки, и стали нефтяниками в процессе долголетней практической работы. Большую роль сыграли здесь организованные на промыслах курсовые, бригадные и индивидуальные учебные занятия. Начиная с третьей пятилетки, кадры нефтяников, в том числе и национальные, растут в основном за счет молодежи, прошедшей уже советскую школу производства (ФЗУ, ремесленные училища, техникумы и т. д.). В освоении туркменскими рабочими высококвалифицированных профессий, особенно на первых порах, большую помощь оказали также кадровые нефтяники других национальностей. Это хорошо показано автором на отдельных биографиях рабочих. Так, например, украинец по национальности И. Н. Алифан обучил и подготовил десятки высококвалифицированных рабочих-туркмен, среди которых был и известный ныне не только в Туркмении, но и за ее пределами нефтяник Удаев Сатлык, в свою очередь обучивший 25 нефтяников — туркмен, татар, казахов, русских и др. Установление дружественных связей между представителями разных национальностей имеет большое значение. Совместный труд, более чем что-либо другое, способствует межнациональным сближениям. Как отмечает Ш. Аннаклычев, за последнее время среди туркменских рабочих участились смешанные браки, оказывающие значительное воздействие на перестройку быта. К сожалению, эта интересно намеченная автором тема слабо развита им на конкретном этнографическом материале.

Интересен и даже в какой-то степени увлекателен раздел, посвященный истории возникновения и развития города Небит-Дага и рабочего поселка Кум-Дага (стр. 46—57).

В пустыне, на еще недавно совершенно безводном месте, в 1933 г. возник новый, социалистического типа город — красавец Небит-Даг, электрифицированный, хорошо озелененный, с дворцом культуры и кинотеатром, с благоустроенными жилыми домами. В этом городе с его 34-тысячным населением живут представители пятидесяти национальностей, поэтому жители и называют его городом дружбы и молодости (стр. 53). Того же типа возникший позже (1949 г.) рабочий поселок Кум-Даг, по своей величине и благоустроенности стоящий на первом месте среди поселков, административно подчиненных Небитдагскому горсовету.

Наряду с этим на окраинах Небит-Дага и Кум-Дага с момента их возникновения стихийно выросли поселки, называемые «Казах-аул» и «Туркмен-аул», в характере заселения которых и типе строительства сказались многие старые традиции. При заселении этих поселков проявились еще не вполне изжитые среди приехавшего на нефтепромыслы населения родоплеменные представления: почти все рабочие семьи из туркмен-текинцев заселяли юго-западную часть небитдагского пригорода Казах-аула, а казахские семьи — его юго-восточную окраину. Большинство рабочих семей из бывших племенных групп иомудов — джафарбайцев и атабайцев — живут в Казах- и Туркмен-аулах компактно, т. е. родовыми группами, в то время как в черте города они расселились и живут в коммунальных и индивидуальных домах разрозненно, по соседству с представителями не

только разных родоплеменных групп, но и различных национальностей. К сожалению, об этих интереснейших подробностях мы узнаем не из рецензируемой книги, а из ранее опубликованной автором статьи¹. Нам представляется неоправданным, что в книге опущены эти характернейшие детали, ибо лишь при их учете может получить объяснение отмеченная автором большая стойкость некоторых черт отсталости в культуре и быте населения именно этих аулов.

Социалистическая перестройка быта — процесс длительный. При относительно коротких сроках формирования кадров рабочих-нефтяников в их среде еще сохраняются не только национальные особенности культуры и быта (что в ряде случаев хорошо выявлено автором), но и некоторые черты бытового уклада, свойственного бывшим племенным группам. Выяснение сложного процесса преобразования быта и является задачей исследования. Чрезвычайно важна при этом датировка явлений: когда, в каких группах населения и под влиянием каких факторов начинают исчезать старые формы, возникают и укрепляются новые. Ш. Аннаклычев упростил свою задачу: вместо того, чтобы объяснить причину живучести ряда устаревших форм, он попросту их опускает. Поэтому картина современного быта, в значительной мере еще противоречивая, остается затуманенной, не получает достаточного освещения и анализа. Например, из ранее опубликованного материала мы узнаем, что еще в 30-х годах в рабочих семьях существовало деление дома на мужскую и женскую половины². Этот момент, теснейшим образом связанный со всем комплексом семейных отношений, надо было подробно исследовать. Интересно было бы показать, как шла в рабочей среде ломка старого быта, старых понятий и воззрений, связанных с принижением положением женщины. В своей же книге Ш. Аннаклычев опускает эту подробность, интерпретируя ее как явление исключительно дореволюционного времени (стр. 62), что противоречит его собственным ранее высказанным соображениям. И такие примеры можно умножить.

Для более яркого выявления черт слагающейся новой культуры Ш. Аннаклычев непосредственно противопоставляет современный быт старому, дореволюционному. Я думаю, этого недостаточно. Автору следовало бы, помимо этих непосредственных сопоставлений с прошлым, провести параллели с современной сельской средой, из которой рекрутируются в основном кадры рабочих; тогда специфика рабочего быта выявилась бы более отчетливо. В этом отношении полезно было бы при изучении выборочно взятых семейств привлечь материалы по боковой линии родственников. Это не только расширило бы представление о связях рабочего и крестьянского населения, но и глубже раскрыло характер родственных отношений.

Интересны материалы, привлеченные автором в разделах о семейном и общественном быте (стр. 103—158). Здесь Ш. Аннаклычев выдвигает ответственное положение, что преобладающей формой туркменской семьи уже на рубеже XIX—XX вв. являлась семья малая, однако приводимых им фактов еще недостаточно для суждений о характере семейного строя туркмен в этот период (стр. 104). Нечетко выявлен и внутренний строй современной рабочей семьи — ее структура, численность, характер семейных взаимоотношений. По некоторым приведенным автором данным можно судить, что в настоящее время встречаются и недельные семьи (стр. 106), однако остается неясным, насколько это явление характерно сейчас.

Интересны приведенные Ш. Аннаклычевым материалы по дореволюционному и современному положению женщины. Они ярко свидетельствуют о тех коренных сдвигах, которые произошли в жизни восточной женщины в результате декретов и специальных мероприятий Советского государства.

Однако в туркменской рабочей среде мы сталкиваемся с одним весьма острым моментом, который отчетливо вскрыт проведенным Ш. Аннаклычевым анкетным обследованием: даже молодые, не обремененные детьми женщины, и те, у кого, в семье есть матери или свекрови, не работают, занимаются домашним хозяйством. Факт этот заслуживает серьезного внимания; к сожалению, в книге он несколько завуалирован общими рассуждениями автора о женщинах-производственницах, вышедших из туркменской среды. На самом же деле, как свидетельствуют факты, женщина-туркменка из рабочей семьи по своей производственной активности неизмеримо уступает туркменке-колхознице³. Вместе с тем экономическая самостоятельность женщины не может, конечно, не влиять на ее положение в семье — это один из главных факторов ее фактическогокрепощения. Вот почему вопрос этот требует самого широкого освещения; в нем, быть может, коренится один из главных источников консервативности быта, которую еще можно подметить в рабочей среде, устойчивости в ней различных бытовых и религиозных пережитков.

¹ Ш. Аннаклычев, Некоторые стороны быта рабочих-нефтяников Небит-Дага, «Сов. этнография», 1959, № 1, стр. 60; более подробно см.: его же, Быт рабочих-нефтяников Небит-Дага и Кум-Дага, канд. дис., стр. 152 (арх. Ин-та этнографии АН СССР).

² Ш. Аннаклычев, Некоторые стороны быта..., стр. 59.

³ С этой точки зрения большой интерес представляют материалы, приведенные Я. Р. Винниковым о производственной активности женщин в изученных им туркменских колхозах Марыйской области; в одном из колхозов уже в 1948 г. 85% женщин имело свыше 400 трудодней (Я. Р. Винников, Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан Марыйской области Туркменской ССР, «Среднеазиатский этнографический сборник», I, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. сер., т. XXI, М., 1954, стр. 68).

Общественному быту рабочих и роли в их жизни старых обычаев посвящены два последних раздела исследования (стр. 148—158). Они являются результатом непосредственных наблюдений автора и в высшей степени интересны. Автор тщательно отмечает все ростки нового быта: проведение новых общественных празднеств, появление ранее не известных семейных торжеств, в чем сказалось прогрессивное воздействие русской культуры. Вместе с тем удерживаются еще старые религиозные обряды и обычаи. К сожалению, автор не всегда достаточно подробно раскрывает их современное содержание. Так, изложив подробно весь комплекс обычаев, связанных с рождением и воспитанием детей, каким он был в дореволюционное время, автор ограничивается лишь замечанием, что некоторые из этих обрядов в отдельных семьях соблюдаются и в настоящее время (стр. 109).

Интересен приведенный в книге материал по свадебному обряду. Мне представляется, однако, что в отношении обрядовой жизни нельзя ограничиться только одним суммарным описанием обряда. Более верную картину может дать сравнительное изучение нескольких хронологически разновременных вариантов одного и того же обряда, зафиксированных в различных социальных и возрастных группах. Такое изучение, несомненно, помогло бы автору глубже вскрыть сущность происходящих в религиозно-обрядовой жизни процессов, характер и направление происходящих в ней изменений. Вот почему при всей подробности описания ряд моментов, связанных с браком и свадебной обрядностью, остался в исследовании Ш. Аннаклычева недостаточно выясненным. Таково, например, описание обычаев «кайтармы» (возвращение невестки на определенное время в родительский дом) и «гневлемек» (посещение зятем дома тещи). Неясным остается, в какой степени и в каких формах эти обычаи, являющиеся еще пережитками первобытно-общинного строя, соблюдаются в настоящее время (стр. 137, 138).

Несмотря на ряд отмеченных мной существенных недостатков, которые сводятся главным образом к отсутствию достаточного анализа материалов, в целом книга Ш. Аннаклычева заслуживает серьезного внимания. Это — одна из первых больших работ по изучению культуры и быта рабочих-нефтянников. В основной своей части она базируется на оригинальном полевом историко-этнографическом материале. Изучение поставлено широко и перспективно. Уже сейчас выявляются контуры возможных новых работ, непосредственно вытекающих из сделанного автором исследования.

В. Крупянская

Т. А. Трофимова. *Древнее население Хорезма по данным палеоантропологии*. Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 2. Изд. Академии наук СССР, М., 1959. 176 стр.

Книга Т. А. Трофимовой является продолжением и отчасти обобщением ее работ по палеоантропологии Хорезма¹. Ведущие свыше 20 лет под руководством С. П. Толстова раскопки дают, особенно в последние годы, все больше костных остатков людей, обитавших здесь в разное время — от эпохи бронзы до позднего средневековья. Еще не по всем эпохам имеется достаточный антропологический материал, еще имеются значительные лакуны, которые продолжают пополняться. Однако то, что уже собрано, изучено и опубликовано, — свидетельствует о том, что, по существу, новая глава в палеоантропологии Средней Азии — палеоантропология Хорезма — уже строится на основательном фундаменте.

Вводная глава «Основные проблемы палеоантропологии Хорезма» подводит краткий итог всем изученным до настоящего времени материалам и ставит задачи дальнейшего исследования.

Следующая глава — о черепах из могильника тазабегъябской культуры Кокча 3, раскопанного в 1954 году. Здесь дана характеристика краниологических материалов с индивидуальными описаниями черепов, таблицей их измерений, а также сравнительные таблицы. Эта глава существенно развивается и дополняется другой работой Т. А. Трофимовой о черепах из могильника Кокча 3, включающей и материалы из раскопок 1955 года, опубликованной в 1961 г. (См. «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 5).

В главе о черепах из оссуарного некрополя крепости Калалы-Гыр 1, раскопанного в 1953 году, приведены индивидуальные описательные характеристики и измерения черепов, а также сравнительные материалы. Так как почти все черепа этой серии прижизненно подверглись затылочно-теменной деформации, то произведен анализ влияния этой деформации на размеры и соотношения мозговой коробки и лицевой части черепа.

К этой работе приложены сделанные Ю. А. Дурново измерения длинных костей скелетов из этого могильника.

¹ См. работы Т. А. Трофимовой: Палеоантропологические материалы с территории Древнего Хорезма, «Сов. этнография», 1957, № 3; Краниологические материалы из античных крепостей Калалы-Гыр 1 и 2, «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. II, 1958; Материалы по палеоантропологии Хорезма и сопредельных областей, там же.